

Молодой писатель

В Москве 9 января открывается Третье всесоюзное совещание молодых писателей. Работа совещания будет проходить одновременно с пленумом правления Союза писателей СССР.

У многих участников совещания литературный багаж еще невелик — одна книга, а то даже и неопубликованная рукопись. В одних случаях талант начинающего писателя уже с первых страниц уверенно заявляет о себе, в других — еще рано судить о характере и масштабах дарования. Но прочтите книги молодых — и перед вами откроется мир жизни нашего современника. Молодые прозаики, поэты, драматурги, критики приходят в литературу с хорошим запасом жизненных наблюдений, почерпнутых из самых различных сфер трудовой деятельности. Автор романа «Глубины Горького» Л. Обухова не понаслышке знает жизнь белорусского Полесья, ленинградский прозаик М. Шургин начал писать, будучи инженером-конструктором на Кировском заводе, очеркист И. Зверев работал на предприятиях в Донбассе и Сибири. Среди участников совещания — инженеры, геологи, врачи, учителя, библиотекари, офицеры, агрономы, студенты, ученые, рабочие. В их первых, во многом еще не совершенных произведениях чувствуется горячее дыхание действительности, которая близка и дорога их сердцу. Далеко не всегда эти произведения биографичны, но живая, осязаемая и прочувствованная биография автора в них непременно присутствует. Как и в жизни, в книгах этого поколения молодежи главное место занимают люди сегодняшних трудовых дней. Связь с современностью, с ее конкретными делами и героями, жизнь в гуще событий — в этом неисчерпаемый ролик силы и свежести молодых дарований, верный залог их будущих успехов.

Молодому литератору мало хорошо знать события и факты действительности — он должен глубоко и правильно понимать их, разобраться в сущности явлений. Писатель — это учитель жизни, а чтобы учить, надо знать и понимать, во всяком случае, не меньше своих героев. Можно только полагаться тому, что в подавляющем большинстве участники нынешнего совещания — люди с высшим образованием и, как правило, с опытом общественной деятельности. Многие из них начинают свою творческую жизнь с журналистики, этой отличной школы изучения действительности. Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что новый отряд писателей-молодежи обладает хорошими затратами для идейно-художественного роста и совершенствования своего таланта. Надо лишь умело поддержать и развить то лучшее, что есть в творчестве молодых литераторов, — в этом смысле совместной работы опытных и начинающих писателей на предстоящем совещании.

На совещании будут обсуждаться произведения всех жанров литературы. Уровень мастерства молодых писателей за последние годы заметно повысился. Лучшие из них с большой настойчивостью и полнотой требуются к труду, а в области художественной формы и композиционной организации, вад психологической мотивировки основных образов и положений, больше, чем раньше, работают над словом, упорнее ищут меткую, характерную деталь. Однако, говоря о заметных достижениях молодых литераторов, нельзя не пожалеть о той работе, с которой иные из них подходят к крупным формам прозы и поэзии или к таким сложнейшим жанрам, как драматургия. И тут уж дело не только в недостатке опыта и мастерства. Справедливо отвергая бесконфликтность и декларативность в искусстве, избегая лакировки и психологической неправды, открещиваясь от упрощенных схем, которые в плохих книгах сопутствуют изображению человека в труде и в общественной деятельности, эти литераторы порой непропорционально ограничивают сферу занятий, взглядов и переживаний своих героев только бытовыми, будничными, домашними делами. При этом смещается перспектива: незначительные

события, мысли и чувства вырастают до невероятных размеров, а человек мельчает: даже совершая положительные поступки, он оказывается искусственно замкнутым в мешанину узкого мира. Из поля зрения писателя уходит то, что в первую очередь определяет характер героя, — его общественно полезная деятельность.

Так дают себя знать просчеты и недостатки идеологического воспитания молодых литераторов. Ответственность за это вместе с молодежью должно разделять и правление Союза писателей, весь писательский коллектив, все еще не преодолевший до конца бессистемность и случайность в теоретической учебе литераторов. Надо полагать, что нынешнее совещание поможет решительно улучшить идеологическое воспитание и теоретическую закалку писательской молодежи.

Совещания молодых литераторов стали у нас хорошей традицией. Среди участников первых двух совещаний, прошедших в 1947 и 1951 гг., были многие из тех, кого ныне по достоинству любят и ценят читатели. В последнем совещании нынешнего совещания примут участие наши опытные мастера. Это тем более ценно, что советы мастеров, их профессиональные наблюдения и выводы, к сожалению, не часто появляются в печати. Правда, за последние годы вышло несколько книг о писательском мастерстве, но даже все они, собранные воедино, еще не выполняют высокоответственной роли «коллективного Горького», каким может и должно стать для подрастающей смены старшее поколение наших художников. Обмен опытом между различными поколениями литераторов мог бы протекать успешнее.

Деловые встречи с писателями-мастерами непосредственно на семинарах помогут молодым литераторам быстрее и глубже освоить многообразный опыт советской литературы. В передаче и наследовании этого опыта кровно заинтересована вся писательская общественность. Нельзя поэтому считать нормальным такое положение, когда писатели, члены одной из крупнейших наших организаций — ленинградской, — почти целиком уклонились от участия в недавнем обсуждении творчества своих молодых товарищей. А ведь как раз в Ленинграде сложился и вырос за последние время большой отряд одаренной молодежи, которая вправе рассчитывать на помощь.

От активной заинтересованности наших мастеров в судьбе молодых литераторов зависит многое. Разные не показательно, что на каждом совещании молодых литераторов присутствовал кто-либо из «крестьян» П. А. Павленко? И на нынешнем совещании будет обсуждаться творчество кубанского прозаика Л. Пасенкова, тоже в свое время получившего путевку в жизнь от этого заботливого наставника молодежи. «Работать с молодежью не обязательно, но нагрузка, а долг каждого сформировавшегося писателя», — говорил Павленко и добавлял далее: «Учитель, воспитавший учеников, его превосходит, всегда был и будет достойной всеобщего уважения фигурой. Опыт всех всеобщих совещаний молодых писателей зовут нас к широкому использованию лучших традиций и русской дореволюционной, и нашей советской литературы — на встречу молодежи!»

Важно, чтобы плодотворно и содержательно прошли семинары третьего совещания, чтобы обсуждения с самого начала приняли деловой, конкретный, требовательный характер.

Только в атмосфере высокой требовательности закладывается подлинный талант, вырастает настоящие художники. А в этом росте мастерства и качества нашей литературы одинаково заинтересованы все писатели. «Одной из важнейших задач Союза советских писателей», — сказано в приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду писателей, — является постоянная помощь начинающим писателям в их творческом росте, обогащении советской литературы молодыми талантами». Третье Всесоюзное совещание молодых писателей — серьезная проверка того, сколь успешно справляется вся наша писательская общественность с выполнением этой задачи.

Награждение Н. Е. Мординова [Амма Аччыгый] орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области развития советской художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР якутский писатель Николай Егорович Мординов (Амма Аччыгый) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Правление Союза писателей СССР направляет приветствие Н. Мординову, в кото-

ром высоко оценивается его роман «Весенняя пора», правдиво изображающий борьбу якутского народа с угнетателями, строительство новой жизни. Своими переводами на якутский язык многих произведений классической и советской литературы Н. Мординов внес значительный вклад в дело развития национальной культуры. Приветствие заканчивается пожеланием юбиляру многих лет жизни и новых творческих успехов.

ПРОЛЕТАРИЯ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 3 (3504)

Суббота, 7 января 1956 г.

Цена 40 коп.

НА ТЕМЫ ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ЗДЕСЬ ВОЗНИКАЕТ «ЗАПАДНЫЙ ДОНБАСС»

Сигнал подав, и клятв вдруг стремительно пошла вниз. Главный инженер Нововольской шахты № 3 Е. Заспенок включил свою аккумуляторную лампочку, направив ее луч на стену штола. Окопленный чугунными тубингами, ствол номинала тоннель Московского метро.

После головокружительного спуска на полуцилиндрическую глубину по-домашнему уютен яркий голубоватый свет, озаряющий рудничный двор и уходящие вдаль штреки. Так светло, что можно выключить наши шахтерские лампочки. Почти до самых забоев шахта освещена лампами дневного света.

Газосветные лампы, пожалуй, самая скромная новинка советской техники, которой промышленность щедро одарила едва ли не самый молодой угольный бассейн страны.

На волынских шахтах выемку угля производят только комбайнами «Донбасс» и «Горняк». На доставке угля применяются мощные транспортеры. От лавы до поверхности угля идет здесь сплошным потоком, без прикосновения к нему человеческой руки. Такова технология производства на самых современных по оборудованию шахтах нашей страны.

Чувство гордости охватывает человека, впервые попавшего на каменноугольную шахту Волыни. То новое, что в Донбассе осваивалось годами упорного труда рабочих, инженеров и конструкторов, доставлено сюда в готовом виде.

На стройке шахты № 5 действует уникальная по своей мощности и размеру буровая установка, которая проходит шахтные штоловы. Высоко над землей вместо привычного копра стоит металлическая площадка — пульт управления агрегатом с ротором, вращающим бур диаметром 6,2 метра! Режущая его головка установлена на колонне из толстых стальных труб и опущена под землю на глубину в 332 метра, к самому угольному пласту.

Мерно вращается буровая колонна. Дрожит металлическая площадка пульта управления. Даже здесь, на высоте, ощущаются глухие, тяжелые удары стальных зубьев бура о неподатливую породу.

Начальник буровой установки, молодой инженер И. Лось позвонил нас с устройством этого интереснейшего механизма, который смело можно назвать завтрашним днем нашей шахтостроительной техники.

В буровой установке, объяснил он, применены тот же принцип, что и в нефтяной буровой технике. Но учтите, — нефтяная скважина имеет диаметр 200 миллиметров, а ствол угольной шахты — 6,2 метра!

Шахтный бур — это пока экспериментальная машина, но с ее помощью уже пройден кустевой ствол шахты № 5 глубиной в 224 метра и заканчивается бурение скипового штола глубиной в 332 метра. Максимальная скорость проходки доходила до 20,5 метра в сутки! Неслыханная скорость! Лучшие бригады проходчиков Антона Лео, Александра Сальникова, Николая Толмача, Ивана Искренко проходят старыми методами всего 50—55 метров штола в месяц!

20 метров в сутки или 50 метров в месяц — такое соотношение нового и старого метода проходки! Нужно сделать все, чтобы буровая машина из экспериментальной установки превратилась, наконец, в стандартный механизм на стройках шахт.

С того памятного дня, когда работники геологоразведочной партии перерезали скважинный рабочий пласт угля в районе села Листович на Волыни, прошло немногим больше семи лет. Скважина № 316, из которой был поднят первый керн, подтвер-

дила смелый прогноз русских геологов. Они еще в 1910—1915 годах указывали на возможное наличие угленосных отложений в недрах Западной Украины. Теоретический вывод ученых получал, наконец, практическое подтверждение.

Нет уже на Волыни начальника разведочной партии инженера-геолога С. Русь, мастера скоростного бурения И. Войнаренко, техника-геолога С. Храпкина и многих других участников поисковых работ. Может быть, они сейчас бурят скважины в «Большом Донбассе», обследуют богатые недра на Урале или Кавказе? Все равно, имена первооткрывателей не будут забыты.

Первый уголь на Волыни был найден осенью 1948 года. Прихотливо извиваясь вдоль верхнего течения реки Западный Буг, угольные пласты шли с Волыни во Львовскую область. Поисковые партии разведчиков-геологов двигались за углем все дальше и дальше. И вот на карте нашей Родины возник новый большой угленосный район.

Первые шахты Волыни дают уголь. В шестой пятилетке на Волыни и в Львовской области вступит в эксплуатацию десятка новых шахт.

Влияние бурно развивающейся угольной промышленности сказывается не только на экономике, но и на всем укладе жизни Волыни и Львовской области. Многие тысячи местных колхозников стали шахтерами. Под руководством опытных шахтеров, присланных сюда из основных угольных бассейнов страны, недавние колхозники успешно овладевают мастерством. Процесс этот идет, однако, медленней, чем нужно было бы. Министерства угольной промышленности СССР и Украины скупа направляя сюда свои кадры.

Главный инженер Волынского рудоуправления А. Дымов подсчитал, что на всех действующих шахтах Волыни работает меньше трехсот квалифицированных рабочих и кузбасских шахтеров и инженеров. И часто бывает так, что сложные механизмы падают в руки не очень-то опытным людям.

В кабинет начальника шахты № 3, горного инженера Уханева, зашел рабочий отдела кадров и доложил:

— Михаил Яковлевич! Привез 58 новых рабочих из Ровенской области.

— Это здорово! — обрадовался Уханев, но тут же озадаченно спросил: — А где их поселить?..

Позднее мы узнали, что вновь прибывших рабочих пришлось разместить в селе Иванчик в городе Владимире-Вольском, которые находятся примерно в 20—25 километрах от места работы.

Сколько дополнительных трудностей вызывает такое «кустарничество» молодых горняков! Как сложно и дорого доставлять их ежедневно на шахту, как трудно в этих условиях проводить с новичками и массово-политическую работу и техническую учебу.

При создании нового угольного бассейна повторялись некоторые старые ошибки. Промышленные объекты начали строить раньше, чем жилье для рабочих. А из-за этого шахта № 4 не может вступить в строй действующих предприятий. Плохо работает строительная организация — комбинат «Западшахтострой» Министерства строительства предприятий угольной промышленности СССР.

Министерствам угольной промышленности и строительства предприятий угольной промышленности следует принять самые энергичные меры, чтобы решить жилищные неурядицы в новом бассейне.

Прощай, дідівський хутірець, И здравствуй, селище вугільне.

Так заканчивается напечатанное в газете в львовской газете «Вільна Україна» стихотворение молодого поэта Григория Печенинского. Оно посвящено молодому колхознику, ставшему шахтером.

Это, пожалуй, первый творческий отклик львовских литераторов на животрепещущие вопросы создания на львовско-волынской земле «западного Донбасса». А как бы хотелось, чтобы они глубже занялись проблемами, волнующими шахтеров, в частности и облик самого «углянского селца», куда приходят молодые колхозники, чтобы стать правыми шахтерами.

Проектируя развитие нового угольного бассейна, здесь решили не строить рабочие поселки при каждой шахте, а объединять их в города. Так был создан в привольной волынской степи поселок горняков Нововольск. Этому же принципу отвечают строящиеся на Львовщине Новый Червоноград и поселок при шахтах №№ 3 и 4 у села Великие Мосты.

Быстрее других шахтерских поселков развивается Нововольск. В степи возник настоящий город с каменными домами, асфальтированными улицами и тротуарами, электричеством. С начала его основания в эксплуатацию введено 60 тысяч квадратных метров жилой площади, работают две средние школы, вечерняя школа рабочей молодежи, горнопромышленная школа и учебный комбинат для горняков и строителей. Есть тут большой детский сад, детский садик, библиотека, рабочий клуб.

Жить бы в таком новом городе да работать! Но отнюдь не все вызывает восторг у жителей Нововольска. Дома построены плохо. Это бросается в глаза при посещении любого дома на любой улице. После осмотра новых кварталов вспоминался марксовская фраза: перегородки в этих домах были настолько тонки, что мы слышали даже перемену в мыслях у дам, помещавшихся в соседней комнате...

Поражает архитектурная безвкусица новых шахтерских поселков. Четыре-пять пугающих кирпичных колонн поддерживают всего-навсего... шиферную крышу хуцэ-ажажного дома. Все это совсем уж плохо выглядит на фоне прекрасных полей Волыни и густых лесов Львовщины.

Откуда взялись такие архитектурные убожества?

Начальник комбината «Западшахтострой» тов. Шевченко объяснил:

— Министерство присылает нам уже утвержденные типовые проекты. Мы сами понимаем, что они не отвечают возросшим требованиям советского человека. Но что же поделаешь, — существует архитектурно-строительный контроль. Попробуй только отклониться от типового проекта...

Непонятно также, почему новые шахтерские города, возникшие за последние четыре-пять лет на Волыни и Львовщине, называются поселками? Ведь в Нововольске сейчас много больше населения, чем в иных старых городах западных областей Украины.

Дело тут, конечно, не в простой перемене названия. Маленькие поселковые Советы не справляются с большим хозяйством быстро развивающихся шахтерских городов.

...Когда мы осматривали новый шахтерский город, возникший в волынской степи, один из спутников задумчиво сказал:

— Да, дел еще много, но раз есть уголь под землей, так и на земле будет хорошо!

Нужно сделать все, чтобы на недавней «угольной целине» были созданы все условия для благоустроенной, удобной, культурной жизни новых горняков.

Мих. РОЗОВСКИЙ

ЗА РУБЕЖОМ

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Народный фронт — такова воля французов

Над улицами Парижа, где носится январские ветры, над заснеженными полями, над всей Францией, охваченной зимней стужей, вот уже два дня сияет яркое солнце. Рано утром 3 января оно осветило своими лучами людей, скопившихся перед зданием «Юманите», где каждую минуту выставлялись результаты происходивших в стране выборов.

Голосование было прекращено в 7 часов вечера 2 января, но на некоторых избирательных участках, ввиду непрерывного притока избирателей, пришлось продлить голосование на три четверти часа. Огромная толпа собралась перед зданием, где в это время печатался четвертый выпуск центрального органа Французской коммунистической партии. Как только на освещенном экране, установленном на фасаде здания «Юманите», появлялся результат выборов, раздавались аплодисменты и восторженные возгласы собравшихся на площади. Большинство людей оставалось здесь всю ночь до восхода солнца.

«Народный фронт! Народный фронт!» Эти слова толпа скандировала, не переставая, в то время, как подводились итоги голосования за кандидатов-коммунистов по всем департаментам и за кандидатов коммунистов и социалистов, представленных в единых списках (как это было в департаменте Вогеви), а также радикалов (как в департаменте Крез).

Народный фронт! Трудающиеся Франци возлагают сегодня на него все свои надежды. Теперь, в результате победы левых сил в стране, правые партии опасаются возможности появления Народного фронта. В ближайшие дни они, несомненно, удесятерят свои усилия, чтобы помешать созданию Народного фронта.

В рабочих кварталах французских городов, в Латинском квартале (университетский центр Парижа), в промышленных районах Севера и Востока Франции, где коммунисты одержали значительную победу, в департаменте Мерт и Мозель, в деревнях Бретани и на побережье Средиземного моря — всюду народ полон энтузиазма. Рабочие типографии «Юманите» первыми откликнулись на результаты выборов. В тот самый момент, когда рабочие узнали о результатах выборов, они тут же выпустили листовку, в которой требовали «Правительства Народного фронта».

Прогрессивная общественность Франции выражает глубокое удовлетворение исходом голосования. Газета «Либерасьон» пишет, что в ходе выборов французский народ выразил свою непреклонную волю создать правительство, которое проводило бы левую политику. «После 2 января», — пишет «Либерасьон», — только правительство Народного фронта способно осуществить глубокие изменения страны.

В реакционных кругах, в правой печати, победа коммунистической партии вызвала нескрываемое замешательство. Результаты выборов настолько красочны, что невозможно скрыть успех левых партий. «Фигаро» ланически пишет о необходимости объединения всех сил против коммунистов, запугивая тем, что «речь идет о спасении режима». «Комба» горестно сетует: «Все лозунги кампании утратили свой смысл. Все намерения стали бесплодными. Надо все пересмотреть». Реакция прилагает все усилия и тому, чтобы добиться объединения правых партий против коммунистов.

Этот маневр, очевидно, развернется в последующие дни. Однако его будет нелегко осуществить... Народ решительно отвергает обанкротившихся политиков.

Рядовые социалисты, члены других левых партий слышат призыв Французской коммунистической партии к единению, призыв которой отражает чаяния избирателей. Они выступают за новую политику — политику правительства Народного фронта, которая стала теперь реальной возможностью.

Катрин ВАРЛОН, французская журналистка ПАРИЖ, 6 января. (По телефону)

Имени Александра Блока

В Солнечногорском районе Московской области находится усадьба Шахматово, где жил и работал Александр Блок. Недавно исполком Московского областного Совета удовлетворил ходатайство правления Союза писателей СССР и присвоил, в связи с 75-летием со дня рождения А. Блока, имя поэта Солнечногорской средней школе № 1. Имя А. Блока присвоено также библиотеке № 32 Куйбышевского района Москвы.

ДАВНО уже наши киностудии не снимали такого «курожца» художественных фильмов, как в канун 1956 года.

Только в конце декабря приняты картины: «Первый шелон» (Целина), «Отелло», «Волыница» по роману Ф. Гладкова, «Мехиканец» по рассказу Дж. Лондона, научно-фантастический фильм «Тайна вечной ночи», кинокомедия «В один прекрасный день», «Мать» по М. Горькому и другие.

Всего 60 полнометражных художественных фильмов, намечавшихся к выпуску по плану в 1955 году, закончены производством 65. — 1955 год, — сказал нашему корреспонденту заместитель начальника Главного управления по производству фильмов И. Радук. — Мы считаем переломным как по расширению выпуска кинокартин, так и по разнообразию жанров и тем. Большинство новых фильмов посвящено нашей современности. Но и это пока первые шаги. В 1956 году мы ждем от киностудий страны 75 полнометражных художественных фильмов, при обязательном условии, что выпуск фильмов будет сопровождаться и повышением их идейно-художественного качества.

В текущем году наш зритель увидит и первые отечественные цветные широкоэкранные фильмы — «Илья Муромец», «Пролог», «Дон Кихот», «Как закалялась сталь» и другие. Съемку широкоэкранных фильмов будут вести несколько киностудий. Для широкого экрана, в частности, будут сниматься две серии «Тихого Дона», они выйдут в 1957 году. Новый год знаменателен и тем, что скоро начнут запускаться в производство картины, которые выйдут на экран к сорокалетию советской власти.

19 СЦЕНАРИЕВ ОДНОЙ СТУДИИ

Студия имени Горького в новом году выпустит на экран семь художественных фильмов, среди них «Они были первыми» — о молодежи времен гражданской войны и всекая кинокомедия «Драгоценный подарок» — о приключении рыбаков-водоспортовцев. Вариант этой кинокомедии снимается для стереокино

ВНИМАНИЕ, ИДЕТ СЪЕМКА!

нометражных художественных картин и 7 сценариев короткометражных фильмов. По некоторым из этих сценариев ведутся съемки на «Ленфильме», в Одессе, Тбилиси. Нынешний год обещает быть весьма интересным. Уже получены сценарии Назыма Хикмета (в соавторстве с А. Бегичевой) на тему о борьбе с колонизаторами. Предполагается начать работу над сценарием по роману А. Фадеева «Разгром». Идет подготовка сценария «Рождение бурей» по роману Н. Островского. Писатель А. Рыбаков только что сдал новый вариант сценария «Екатерина Воронина».

«СОЕДИНИТЕ МЕНЯ С «ДОН КИХОТОМ»

На дверях комнат висят таблички с несколькими страничками на первом и втором этажах: «Крутые горки», «Медовый месид», «Честное пионерское». Телефонисток, работающих на коммутаторах, то и дело просят: — Пожалуйста, соедините меня с «Дон Кихотом». — Дайте мне «Кочубя»... Это названия новых кинофильмов, над которыми работает сейчас коллектив «Ленфильма». В прошлом году студия выпустила одиннадцать полномет-

ражных художественных картин и одну короткометражную кинокомедию. Многие из этих фильмов зрители уже видели, другие — выйдут на экран в самые ближайшие дни, в том числе «Два капитана» (по одноименному роману В. Каверина), «Чужая родня» (по повести В. Тендрякова), «Дело Румянцев» (по сценарию Ю. Германа).

В этом году «Ленфильм» должен выпустить 12 кинокартин. В день, когда мы побывали на студии, постановщик кинокартин «Дорога правды» Я. Фрид проводил репетицию с исполнителями главной роли артисткой Тамарой Макаровой и артистами А. Борисовым и О. Лавровым. Участники фильма «Крутые горки» готовились к поездке под Каалин, где будет сниматься зимняя натура. Из Кисловодска пришла партия отснятой пленки кинофильма «Кочубей» по роману А. Первенцева. Режиссер Г. Козинцева, который будет ставить «Дон Кихота», мы застаем возле макета села Алачики, родины бессмертного «рыцаря печального образа».

Этот первый большой художественный фильм, выпускаемый в Ленинграде для широкого экрана, снимается для обычного кино. На «Ленфильме» снимается еще одна картина для широко-

экранный кино-цветный фильм «Мастера пятиборья». Работа над ним близка к завершению. Студия готовит сейчас сценарии для фильмов юбилейного, 1957 года, расширяет круг авторов, привлекает видных литераторов и киносценаристов ЛЕНИНГРАД (Наш корр.).

СИЛАМИ МОЛОДЕЖИ

Гаснет свет, и на экране возникает Рига начала двадцатых годов. По Известковой улице идет жена часового мастера господина Ланкевич. Из-за угла вылетает

автомобиль Госпожа Ланкевич испуганно шаркает, из корзинки выскальзывает яйцо и разбивается. Это событие ведет за собой множество смешных случайностей. Перед зрителем встает во всей неприглядности пустая и ничемная жизнь рижских буржуа, в ту пору веривших судьбы Латвии... Так будет начинаться новый короткометражный комедийный фильм по повелению А. Улита «Причины и следствия», к работе над которым Рижская студия художественных и хроникальных фильмов приступила в первые дни нового года.

РЕПОРТАЖ С КИНОСТУДИИ СТРАНЫ

Фильм ставится силами молодежи. Сценарий написал Освальд Кубанов, окончивший Государственный институт кинематографии в 1954 году. Режиссер — дипломник режиссерского факультета того же института Варис Круминь; этот фильм будет его дипломной работой. Снимать комедию будет дипломник операторского факультета Марис Рудзитис. Художник картины — выпускник Академии художеств Латвийской ССР Артур Майлит.

Сейчас в полном разгаре съемка другого латвийского фильма — «После шторма», о жизни моряков торгового флота. В плане студии — киноповесть о революционном движении в Латвии.

СЕМЬ ИНТЕРВЬЮ С КИНОРЕЖИССЕРАМИ

Б. БАРНЕТ. Я буду снимать картину «На баррикадах Москвы» по сценарию Н. Погодина, посвященную событиям Октября 1917 года в Москве. А. ДОВЖЕНКО. Заканчиваю работу над сценарием и приступаю к постановке фильма «Помня о море», который будет готов в нынешнем году. М. РОММ. Что касается меня, то я нахожусь по окончании картины «Шестая колонна» вдали от работы над фильмом о современном Китае, сценарий которого пишу с В. Кожениным. Эту картину предлагаете осуществить совместно с китайскими кинематографистами. Г. РОШАЛЬ. Передо мной улавливаемая задача — двухсерийный широкоэкранный фильм по роману А. Толстого «Хожение по мухам». С. ЮТКЕВИЧ. В 1956 году собираюсь ставить двухсерийный фильм «Ичот» по сценарию И. Пырцева, являющийся экранной версией одноименного романа Ф. Достоевского. Я считаю своим патристическим долгом сделать эту картину в противовес французскому фильму «Идиот», искажающему произведение великого русского писателя.

Безравнодушия

Н. ТОЛЧЕНОВА

ДЕСЯТКИ, а то и сотни верст, отходящие от областного центра, от железной дороги населенные пункты... — вот что такое «глубинка».

Неизвестно, кем пушено в оборот это короткое, емкое слово. Казалось бы, обозначающее оно глушь, мелочи, углы. Однако любой неслучайный человек сразу услышит, что подобный смысл слова начисто отрицается уже самим его звучанием.

«Глубинка» — не глушь, а как раз наоборот! — глубина народной жизни, со всей ее доброй простотой и вместе необычайно быстрым, неудержимым движением вперед.

Она ведь сохраняет местные своеобразия, свои особенности и в то же время разлетается общими, типическими чертами передового, нового...

«Глубинка-Городок» — первая повесть Лины Обуховой — вся точно пронизана сердечным чувством радостного уважения к людям, пропитана стремлением донести до читателя живыми образами белорусского Полесья, передать их думы, чувства, рассказать об их делах.

Чутким, заинтересованным взглядом смотрит на мир Л. Обухова. Неудивительно, что неведомая ей ранее жизнь распахнула перед нею существенные свои стороны, показала присущую ей красоту...

Тема повести — перестройка всей жизни некогда глухих районов белорусского Полесья в плане важнейших, сегодняшних решений партии, — тема большая и серьезная. Решая ее, автор, понятно, не мог не сказать о политическом росте людей, об их воспитании, об изменениях, происходящих в человеческих сердцах.

Хороший человек Ключарев! Не далеки от рядовых, скромных тружеников, всезнающим и непогрешимым, показан он в повести Л. Обуховой. Нет, Ключарев — весь в кипении мысли; ему свойственны ярость и гнев к безалаберным, пустым чинушам, доброе и пристальное внимание к активу, к людям, в которых он верит...

«Янушона же», — сказано в произведении, — охотнее мысли масштабы района. Он больше и ближе чувствовал порывы делых коллективов(?), чем отдельные люди», и т. д.

Фраза так и остается фразой... И сколько бы ни было сказано о Янушоне вот таких пышных, — а на поверку каких-то общих, беглых фраз, вкратце сказать, до конца нарушающих общий стиль повести, — все равно это не убеждает читателя, не помогает ему узнать героя, превращается в авторскую декларацию.

Но коль скоро Янушона, по воле писательницы, вторгается в жизнь главных героев повести — Ключарева и Антонины, в жизнь всех персонажей произведения, то непонятно, неточность, «приближенность» в изображении Янушонка начинающая неуловимо сказываться и на всем образном строе книги. Во второй ее половине заметно мельчает серьезный разговор о людях Полесья, повесть приобретает досадный оттенок умиленности, подчас нарушая ощущение подлинной поэтической приподнятости, так обретающей и возвышающей читателя.

И это происходит в силу того, что Янушона описан на скорую руку, «под занавес».

Поэтому так легко и просто дается ему все то, над чем бьется и мучается Ключарев. Вспомним, как легко и просто — хоть и неожиданно для всех в районе. — Янушона «сработался» с бывшим председателем райисполкома Пичуком, человеком мелким, ничтожным, клеветавшим на Ключарева... Пичук даже полюбил Янушонка так же внезапно, как полюбила его гордая, самолюбивая, видевшая много гор в жизни и потому замкнутая Антонина!

Как ни жаль, но эта незаурядная, волеватая женщина во многом утрачивает присущее ей обаяние, едва лишь возле нее появляется Янушона. Писательница, незаметно для себя, ломает логику характера своей героини. Полюбил Янушонка, Антонина даст себе клятву: «Пусть меня накажет бог, если я отступлюсь от него или сделаю его несчастным!». Но уже через самое короткое время случайное недоразумение заставляет Антонину «отступиться» от Янушонка. И когда, после примирения, она вновь «клянется»: «Что бы там ни сказали плохой друг о друге и что бы ни случилось в жизни, — ведь всекое может случиться! — будем верить только друг другу», — то особенного доверия эти слова уже не вызывают.

Композиционный просчет с введением в повесть излишней, чуждой логике ее развитой фигуры Янушонка не случаен для Л. Обуховой. Композиция вообще наиболее слабое ее место. Захваченная обилием впечатлений, начинающая писательница расточительно стремится включить в свою первую повесть все ею увиденное. Она вводит в свое повествование традиционную фигуру «путешественника», который, переезжая с места на место, конечно же, многое видит и замечает. Так появляется в повести образ Жени Вдовинной, москвички, собирающей в Полесье фольклор, — той самой девушки-аспирантки, чьими глазами видим мы в начале повести все происходящее. Однако дальнейшие события развиваются уже без ее участия, жизнь идет своим чередом, и часто Л. Обухова вынуждена лишь бегом напоминать нам о существовании Жени Вдовинной без особой в том необходимости...

Но первоначальный план произведения — показ жизни «глубинки», увиденной восторженными глазами юной путешественницы, впервые самостоятельно вступающей в большую жизнь, — этот план дает себя чувствовать до конца. Он сказывается и на бедности ряда картин и человеческих характеристик, и на количественном обилии людей и фактов, которым тесно на узкой площадке повести (мы не можем, например, с достаточной глубиной проследить рост любви, руководимых Ключаревым), и на внезапности психологических поворотов, вроде поистине «чужесной» перестройки бюрократа Пичука.

Наивно-носторонний образ Жени Вдовинной выложил свой отчеток и на язык повести, в котором рядом с меткой и свежей образностью сосуществуют и сентиментальные красоты.

Таковы серьезные недостатки первого произведения Л. Обуховой. Однако основное, чем полюбилась читателю книга «Глубинка-Городок», выражено в заглавии и вместе с тем сердечных словах Ключарева: «Из всех недостатков я ничто отвергаю только один — равнодушие. Все остальное можно, по-моему, повернуть и на пользу...».

Эти слова хочется поставить эпиграфом к книге. Они очень хорошо определяют ее ведущую мысль.

Жизненный опыт поможет Л. Обуховой быть экономной, организованной, сдержанной, строгой... А пока порадуемся тому, что в литературе пришел еще один талантливый человек с горячим сердцем и живой душой, человек, далекий от равнодушия.

РАЗРЕШИТЕ НАШЕЙ СМЕНЕ

«Литературную газету» передать сердечный привет молодым писателям, идущим нам, старым, на смену.

Чтобы сказать новое, надо знать старое. Поэтому как можно больше учитесь, любите

художественное слово, трудитесь много и радостно, чтобы обрадовать своим приходом и читателей и нас, ваших старших друзей.

Академик С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

АЛУШТА, КРЫМ

«Магистраль»

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Литературное объединение «Магистраль» при Центральном доме культуры железнодорожников (руководитель критик Г. Левин) издало на стеклографе сборник стихов «Стальные пути». Признаюсь, я начал его просматривать с некоторой долей предубеждения, которая бывает свойственна писателю-профессионалу, когда он знакомится с изданиями самодельного характера. Действительно, первые стихи сборника не заслуживают особенно пристального внимания: все это я уже читал у других авторов и в более квалифицированной обработке. Но вот открываю страничку со стихотворением «Огни»:

Первые очертания
Высотного задания.
Стальной,
Небывалого роста,
Над стеной
Возвышается
остов.

Здесь еще ничего особенного нет. Но строгий ритм и деловой ритм сразу удерживают мое внимание, как полюбилась мне эта поэзия.

Там, где балка легла литая,
Под огнем к другой пристая,
Наклонился электросварщик,
Лет шестнадцать,
не старше.

Он идет вперед товарища
Только на два стальных узла,
«Если шесть
против трех
Значит, вышло,
наша взяла!»

А товарищ в соседнем отводе
К новой балке вплотную подходит.

Итак, соревнование двух сварщиков. Тема не новая, но здесь нова убедительная «бронча» интонация: чувствуется, что стихи написаны человеком, который по своему опыту работы ощущает эту тему изнутри.

Сталь со сталью повстречалась,
И, начелась на стык в упор,
Разъяренный огонь
с металлом
Продолжают рабочий спор.

Не будем задерживаться на плохой рифме «повстречалась—металлом» и посмотрим, как автор решит тему соревнования. Можно заранее сказать, что победит... оба: так обычно выходит из положения наш стихотворец, не желая никого обидеть. Действительно, поэт говорит, что «если у друга тоже победа, — выше этой нет у нас гордости». Казалось бы, давно усвоенная мысль! Но не станем забегать вперед.

Два товарища кочили смену,
Под ногами земля,
как сталь.

Бетати, очень тонкое наблюдение! Мы знали, что моряки, сойдя с корабля на берег, ощущают под собой землю, как палубу, но что выскочки, привыкшие работать на стальных каркасах, чувствуют землю стальной, — об этом мы узнаем впервые. За одну эту художественную подробность можно простить автору многое. Но читаем дальше:

Только очень им интересно,
Дом высотный
волнует заботою:
Если будет в нем министерство,
Чтоб не хуже,
их
работало.

Сюжет повернут совершенно неожиданно: соперничество двух электросварщиков вырастает в соревнование строителей до-

гражданина, тесно связанная с философским ощущением всеобщего, в данном случае — с производственным творчеством народа.

С меньшим правом, но и без большой натяжки, можно поставить рядом с этими стихами и «Станию «Комсомольская» З. Васильевой. Как просто и как свежо начало:

Сегодня прикрепили букву «А»,
И крыша в воробьином гаме...
Человек вышел по делу, он идет обычными шагами, ему нужно сесть в вагон подземной железной дороги и поехать в определенном направлении, его стеснили у аскалятора справа и слева — тут бы нахмуриться, крикнуть что-то... Но у автора совершенно особое чувство:

Иду, не ощущая тесноты,
Почти вполную наши плечи.
И всех назвать мне хочется — на ты,
Как близких — в праздничные встречи.

По мраморным ступеням скользя вниз,
А свод уходит — выше, выше
И кажется — знамена вверх взвилась,
И шлет их бессмертный слышен...

Эти ощущения праздничного шеста замахивания в будничном движении с утра на работу — как оно характерно для лирики простого советского человека, которого социалистический труд сделал глубоко мыслящим, широко воспринимающей жизнь личностью.

Три отмеченных стихотворения являются с моей точки зрения, программными для сборника. Это не значит, что они в сборнике лучше. Стихи «Памятник безымянному солдату» Я. Халида, «Пограничный край» В. Гилежкова, «Северный городок» Н. Юченкова, «Прошение» М. Курганова, «Сын и мать» Е. Зубовой написаны с не меньшим мастерством, а «Счастье» Я. Велицкого, «Ковар» Г. Кривошеина и «Легенда о лесной сибирской голубушке» А. Лебедева — просто отличные стихи, которые достойны любого «толстого» журнала. Но в лирике Луначского, Яковинской и Васильевой бьется особая жила, на которую нужно обратить внимание.

В нашей большой литературе есть поэты, которые берут острые, противоречивые, часто исключительные явления общественной и личной жизни и стремятся осмыслить их, обобщить. Есть и поэты другого типа — они исходят из повседневного быта простых людей и, описывая их трудовые будни, поют о радости и несчастье, о радости и горечи жизни, которое эти трудовыми буднями порождается. Сила этих поэтов — в их непосредственности. Мне кажется, что главное направление нашей поэзии должно объединять обе эти струи в одну магистраль, которая сочетает прелезную непосредственность восприятия жизни, труда, природы с глубоким философским осмыслением сущности новых процессов нашей советской действительности.

Думается, что молодые поэты, приходящие в литературу из производственных лирических и кружков, тоже должны стремиться к осуществлению такого синтеза.

Если члены объединения «Магистраль» захотят оправдать свое название, если сумеют подняться до сознательных высот большого стиля в рабочей тематике, если не разбурятся поодиночке, а сплотятся в крепкое ядро, — они смогут добиться больших творческих успехов.

известные пропорции...» (А. Павловский. «О сатире», «Звезда», № 6, 1955).

Игра словами «гипербола» и особенно «гротеск» принимает в нашей критике опасные размеры. Права, функция, реальные границы гиперболы и гротеска в реалистическом творчестве раздвигаются, под понятие гиперболы и гротеска подводится самые разнородные явления.

При этом во многих современных работах гротеск стоит рядом с гипероболой, уравнивается с ней в правах и значениях или даже приравнивается ей в качестве приема реалистической сатиры. Вполне справедливо, однако, заметил Я. Эльсберг, что самый термин «гротеск» в применении к художественной литературе «лишен сколько-нибудь определенного содержания».

Конечно, надо изучать элементы гиперболы и гротеска в реализме, выявлять их целесообразность в каждом конкретном случае. Но сосредоточение внимания преимущественно на внешних сатирических произведениях, на гиперболических и гротескных формах сатирического образа, трактуемых упрощенно, не может быть признано плодотворным. Проповедь гиперболы и гротеска без меры, без конкретной мотивировки, а исключительно на основе отвлеченного положения: искусство имеет право преувеличивать, — эта проповедь направляет нашу сатиру на ложный путь, чуждо внешней утрировке образов, на путь трюкачества, чудачества и всяческого иного формализма.

И пока ничто не убеждает в том, чтобы частое употребление слова «гротеск» в современной критике было вызвано какой-то органической потребностью, прежде не известной, и свидетельствовало бы о движении нашей эстетической мысли вперед. В большинстве случаев «гротеск» остается просто модным словечком, которое, несмотря на все усердие его приверженцев, не внесло ничего нового в понимание особенностей формы реалистической сатиры.

Проповедь гротеска и гиперболы, критики, о которых идет речь, естественно, всячески третируют требование правдоподобия в искусстве, особенно в сатире. Но в самом ли деле правдоподобие в литературе не заслуживает внимания?

3. Справедливо, конечно, говорят, что подлинное реалистическое искусство не гонится за внешним правдоподобием. Однако это положение справедливо только в том смысле, что реализм не дондится за мейотичным, внешним, случайным

правдоподобием, за правдоподобием любой частности. И было бы большой ошибкой считать, что правдоподобие в искусстве — дело второстепенное, не заслуживающее того, чтобы художник заболтался о его соблюдении. Художественная правда и жизненное правдоподобие — далеко не тождественные, но и не противоречащие друг другу понятия. Жизненное правдоподобие не исчерпывает художественной правды, но оно входит в нее как обязательный элемент. Говорить о сущности, забывая о реалистической форме художественного типа, это значит игнорировать специфику искусства, которое призвано раскрывать смысл явлений жизни не в абстрактных логических категориях, а в конкретных образах и картинах реального мира. Наружный, натуральный вид вещи — это еще не вся вещь, но это весьма существенная сторона вещи, не случайная, а внутренне обусловленное выражение вещи, отравивший пункт в сложном процессе познания мира вообще, художественного познания в частности.

Юм и Кант, говорит В. И. Ленин, «принципиально ограничивают «явления» от того, что является, ощущение от ощущения, вещь для нас от «вещи в себе»...». Философские измышления насчет особенностей грани между тем и другим, основанные на недоверии к показаниям наших чувств, В. И. Ленин называет пустым вздором, выветром, выдумкой.

Игнорировать правдоподобие — значит отрывая форму вещей от их содержания, явление от сущности, значит порывать с материалистической эстетикой и следовать за идеалистической эстетикой символизма. В самом деле, разве проповедь гротеска как некоего ключа к тайникам сущности не совпадает с известными декларациями символизма?

Забота о правдоподобии художественных образов есть необходимое условие проникновения вглубь явлений, в их сущности. «Внутреннее просвечивает во внешнем и дает себя познать посредством последнего» (Гегель). Конечно, истина не есть начальное впечатление, но путь к ней в процессе художественного познания идет от явления к сущности, а не минуя, не в обход явления.

«Форма существенна. Сущность формируется так или иначе в зависимости от сущности...» (В. И. Ленин). Это положение материалистической философии является и положением материалистической эстетики. Классическое определение реализма, сформулированное Энгельсом, включает

обязательное требование правдоподобия: «...Реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Если в художественном произведении вообще не соблюдается правдоподобие, то такое произведение уже не относится к реалистическому искусству, так как не создает верной картины действительной жизни.

Натурализм обозначен прежде всего сохранением внешнего эмпирического правдоподобия. Достижение этого он считает основной задачей искусства. Но если чистое фотографическое правдоподобие натурализма не делает подлинного искусства, то не делает его и нарушение всякого правдоподобия, как это свойственно всевозможным тесничным декадансам.

Белинский считал правдоподобие первым требованием поэзии. Вот его замечательное суждение по этому поводу: «Западная эстетика утверждает, что «поэзия не должна быть живописью, потому что в живописи все дело в верном изображении предмета, священного в одном известном моменте». Но если поэзия берется изображать лица, характеры, события, — словом, картины жизни, само собою разумеется, что в таком случае она берет на себя ту же самую обязанность, что и живопись, то есть быть верной действительности, которую вывела воспринимать. И эта верность есть первое требование, первая задача поэзии. О поэтическом таланте автора тут должно судить, прежде всего основываясь на том, до какой степени удовлетворен он этому требованию, решает эту задачу. Если он не живописец: явный знак, что он и не поэт, что у него вовсе нет таланта. Но что поэзия не должна быть только живописью — это опять другое дело, и с этим нельзя не согласиться». Не могут не вызывать сожаления высказывания такого, например, рода: «На мой взгляд, художник, идущий по пути реалистического заострения образа, реалистического гротеска, находится на более верном пути, чем те, кто стремится к обязательному внешнему правдоподобию». Этот взгляд известного нашего художника-карикатуриста Б. Ефимова в корне ошибочен, во-первых, потому, что в нем (вызове) требования, умственные в узком жанре карикатуры, обделены в форму требования, предъявляемого вообще к реалистическому искусству, во-вторых, потому, что предлагается ставить предпосылку гротеску перед правдоподобием.

Реалистическая сатира вполне возможна и без гротеска, но она невозможна при полном игнорировании правдоподобия.

Всякое нарушение правдоподобия, вызванное недостаточным знанием предмета, или неумением воспроизвести его образ, или пренебрежительным отношением к правдоподобию вообще, или, наконец, вульварной критикой мыслью о неадекватности гиперболы и гротеска, то есть всякое нарушение правдоподобия, не имеющие глубокой объективной и субъективной мотивировки, является серьезным недостатком произведения.

Что же касается, в частности, сатиры, то она чаще прибегает к условным приемам, к нарушению правдоподобия, или, как говорил Чернышевский, «допускает утрировку», но именно допуская, а не на утрировке только основываясь. Правдоподобие — закон реалистического искусства, нарушение правдоподобия — частное отступление от закона, не противоречащее реализму только при вполне определенных условиях.

Есть такие явления и есть такие идейно-эстетические задачи, которые делают гиперболу целесообразной. Есть, наконец, такие дарования, которые способны сделать гиперболу законным и весьма эффективным оружием художественного слова. И только такая обусловленность, обусловленность характером объекта, задачи и дарования, порождает подлинно художественную гиперболу.

Так обстоит дело с правдоподобием в литературе, если подойти к нему с точки зрения принципов реализма.

Нередко приходится слышать заявления о том, что будто бы литература советской должна быть особенно присуща тенденция к художественным преувеличениям, что метод социалистического реализма открывает для этого большие просторы. Так ли это?

«Метод социалистического реализма», — пишет Я. Эльсберг, — предоставляет писателю гигантские и еще невиданные творческие возможности преувеличения и заострения образа». Этот вывод, по нашему мнению, является следствием некритичного увлечения принципом преувеличения и не имеет историко-литературного и теоретического оправдания.

Уместно напомнить мысли Белинского о том, что русская сатира, исторически развиваясь, все реже переходила в преувеличение и карикатуру, становилась более натурально по мере того, как становилась более поэтической. «В баснях Брылова са-

тира делается вполне художественно; натурализм становится отличительной характеристикой чертой его поэзии. Это был первый великий натуралист в нашей поэзии».

Художественное преувеличение и карикатура, сохраняясь как особенность сатирического стиля, у более поздних сатириков выступают менее резко, так как их поэтика обогащалась все новыми и более тонкими приемами и средствами сатирического письма.

В своем историческом развитии сатира обогащала свои изобразительные средства не только за счет накопления собственно сатирической традиции. В не меньшей мере она вбирала в себя опыт реализма вообще. Чтобы отрицать определенные явления жизни с той силой страстности и художественного совершенства, как это мы видим у Гоголя и Щедрина, надо было обладать не только высоким гражданским сознанием, но и высокоразвитым эстетическим чувством, носить в своем сердце идеал прекрасного. Сатирическое искусство Гоголя и Щедрина формировалось на основе высших эстетических достижений своего времени, связанных с деятельностью Пушкина и Белинского. Влияние Пушкина на Гоголя было более сильным, чем влияние всех предшествующих сатириков, взятых вместе. Щедрин отразился в своем развитии ближайшим образом не только от Гоголя, но и от Пушкина, не как автора сатирических стихотворений, а как поэта, сделавшего гигантский шаг в области искусства реалистического слова, в практической разработке критерия прекрасного, в культуре эстетического чувства.

Те, кто много говорит и пишет о гиперболе и гротеске как о основных особенностях поэтики Гоголя и Щедрина, оставляют в тени самое существенное. Гипербола и гротеск не составляют чего-либо специфического в художественной манере Гоголя и Щедрина в сравнении с сатириками вообще. Сила сатиры Гоголя и Щедрина связана не с гипероболой и гротеском, а с тем, что они поставили на службу социальной сатиры весь богатейший арсенал изобразительных средств критического реализма и прежде всего метод психологического анализа, сохраняя гиперболу и гротеск на правах весьма существенных, но все же подчиненных средств изображения.

Все современное искусство прибегает к преувеличению, не выходя в общих картинах за рамки правдоподобия. Право самостоятельного существования преувеличение сохранило за собой лишь в рамках одного

жанра живописи — в карикатуре. В наше время преувеличение тем лучше, тем художественнее, чем меньше оно похоже на преувеличение, чем меньше оно выражается во внешних формах. Это относится и к сатире, хотя здесь границы преувеличения более широкие.

4. Возникает вопрос: почему же, вопреки очевидным историко-литературным фактам и принципам реализма, пристрастие к необыкновенному, исключительному, гиперболическому, гротесковому получило в последнее время такое широкое распространение?

Это связано прежде всего с тем неверным пониманием типического, которое подвергнуто справедливой критике в редакционной статье журнала «Коммунист», № 18. Тезис о том, что типическим является не только наиболее распространенное, оказалось в выступлениях некоторых критиков подменен утверждением, что наименее распространенное и есть типическое, и послужил поводом для разного рода схоластических суждений и выводов, оторванных от живой и многообразной картины проявления типического в искусстве. Пренебрежение к типическому — понимание типического как среднестатистического — сменяется новой односторонностью: понимание типического как исключительного, категорию распространенности, общности, обыкновенности стали изгонять из представлений о типическом, объявлялись несущественными и даже прямо «вредными» для понимания проблемы.

Декадентски-аристократическое презрение к обыкновенному, массовому, как недостойному искусству, дошло в ряде случаев высказываний до провозглашения случайного, исключительного более всего или даже единственно достойным искусства. Это заблуждение, непримитивное с точки зрения принципов реализма, принципы народности искусства, не получило надлежащего отпора и только с течением времени стало несколько ослабевать. Исключительная личность, противопоставляемая обыкновенной личности, оказывалась в трактовке некоторых людей наиболее достойной или даже единственно достойной стать героем художественного произведения. Наименее распространенное, исключительное стало прославляться как

(Окончание на 4-й стр.)

А МЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ

Как зажигают свечку...

Раскрасневший голубым и алым по белому взмученный самолет, на котором мы летели, впрямую в Рио, как бабочка в заповедник лета. Скалистые горы проводили нас блестящим снегом на вершинах — там ночью успешно деботировала первая метель. На какой-то промежуточной остановке вокруг маленького поселка шипела по ветром только рыжая трава, такая рыжая и гладкая, словно в парикмахерской над ней поволодали переключив водород и расчесали на прямой пробор. Затем переключилось ожерелье соленых озер с пегими берегами и водой всех оттенков. Между озерами, нащупывая твердую почву, лавировала ожившая автомобильная дорога. И потом уже до самого конца под крыльями брели необжитые горы с тощим и редким леском на серых боках. Было даже удивительно, что в Америке, где умеют извлекать прибыль из всякого предмета, стоющего чуть больше пента, так много бросовой земли!

Рио, симпатичный беленький городок в долине, встретил нас летним теплом, солнцем, зеленью и коварной улыбой фортуны в образе слот-машин... Но об этом позже.

Рио — это, в сущности, исправленное и дополненное американское название Монте-Карло. Он не чужд игрового кокетства и встречает путешественников нарядно на арке — «Самый большой маленький город в мире». Но если в Монте-Карло играют только в рулетку и в карты, то в Рио играют еще и на слот-машинах, что означает — машина со щелью. Кроме того, в Рио приезжают развлекаться, если имеют для этого достаточно денег и времени. Чтобы обособиться от уже не дражайшей половины, надо прожить здесь шесть недель, после чего церемония расторжения новейших брачных пут совершается быстро и без очной ставки. А во избежание скуки в услуги будущих потерпевших женихов весь городок, состоящий, как нам показало, преимущественно из отелей, игорных домов и ресторанов, работающих круглые сутки без перерыва. Этот «самый большой маленький город» удачно нашел свою золотую жилу и разрабатывает ее с неистощимой энергией!

Выходя из самолета, мы уже привычно выстраивались перед объективами фотоаппаратов, но те не очень спешили. Мы интересовали их не сами по себе, а в связи с рекламой, которой требует всякий бизнес. Поэтому нас тут же, прямо в аэропорту, позвали к слот-машине и попросили сыграть. Мы опустили в щель монету, дергали ручку, но фортуна не спешила осыпаться нас серебряным дождем. Проглотив доллар с липшим автоматом, очевидно, пришел к заключению, что всякий азарт надо время от времени подогревать, и отсчитал подачку в сумме тридцати пентов. Мы рискнули и выигрешем, но на этом щелчком слот-машины окончилась. Она хорошо знает правила вычитания!

Снова мы вспомнили о Рио уже в Лос-Анжелесе. Однажды описание шляпок и драк голливудских актрис на первых полосах газет сменяли снимки, на которых выдвигались обложки и трупы. Полковник полиции Джой, сопровождавший нас, рассказал, что это «вои» окончили со знаменитым гангстером Вилли Байфром. Когда-то он подчинил себе профсоюз работников кинематографии и выкачал путем шантажа около миллиона долларов. А хотел больше. Терпение предпринимателя лопнуло. Байфр и его компаньоны осудили на пять лет. Вилли из тюрьмы, он под другой фамилией репиз «отыграться», втиснувшись в компанию владельцев казино и отелей в Рио. Как один из немногих оставшихся в живых сподвижников Аль-Капоне, он надеялся на успех, но выросла новая гангстерская смена, а может быть, проявила решительность владельцы. В автомобиль Вилли Байфр вложил бомбу, которая сработала при включении стартера и разнесла на куски гангстера, машину и часть гаража... Вот какая крупная

«игра» кроется еще за автоматами и рулетками Рио!..

Из Рио мы уехали в автобусе с метро-вой никелированной собакой на боку и окнами с зеленоватым стеклом-фильтром. Эта хорошая и быстрая туристская машина перенесла нас через горы Сьерры-Невады в золотую Калифорнию, которую называют так и за то, что здесь действительно когда-то добывали золото, и за то, что здесь очень теплый климат и урожайная земля. Обедали мы в пути в ресторане с поэтическим названием «Самородок». Этот ресторанчик достоин того, чтобы сказать о нем несколько слов.

Построен он очень просто — кирпичные стены внутри не оштукатурены, а роль колонн играют обыкновенные дубовые столбы, даже не покрашенные. Стойка буфета отделана обычным неполированным деревом и стеклом. А зал, в память строительства первой дороги, украшен настоящими кондукторскими фонарями, паровозными фарами и другими деталями такого же рода. Все это миминально дешево и просто и в то же время создает впечатление оригинальности и своеобразного юта. Хорошее дело — человеческая выдумка, живое воображение строителя! Обеды здесь недорогие и питательные, среди других блюд понравился нам салат из молотой кукурузы и картофельного пюре, мы даже пожалели, что не попросили рецепта...

Сан-Франциско — очень красивый город, о котором можно долго рассказывать. Построен он на холмах и больше всего напоминает Владивосток, находящийся на другом берегу Тихого океана, — здесь есть даже Золотые Ворота, Русская гора и Русская речка. В Сан-Франциско много старых выходов из России и Китая. Центр города застроен многоэтажными домами, среди них несколько умеренно высоких небоскребов. Узочки неширокие, то и дело круто лежут в гору. Когда выпадает снег, что случается редко, даже не каждый год, весь автомобильный транспорт выходит из строя — скольжение на таких дорогах равносильно катастрофе. Нас просили определить разницу между Нью-Йорком и Сан-Франциско. Мы шутили:

— Она состоит в том, что в Нью-Йорке к облакам пытаются взлететь на лифтах, а в Сан-Франциско прямо на машинах...

Одна из самых интересных встреч в Сан-Франциско состоялась в торговой палате города. Комитет из директоров, избранных членами палаты — коммерсантами, предпринимателями, финансистами, крупными фермерами, — занимается вопросами торговли, благоустройства, вообще бизнеса во всех его формах. Назначение таких палат, созданных по всей стране, заключается в том, чтобы предпринимать посильные попытки планировать экономику штатов и крупных городов, корректировать частную инициативу во избежание перепроизводства и кризиса, снабжать беспощадно конкурентно резновыми амортизаторами взаимных информационных и любознательных разговоров. Учреждение это, безусловно, несколько связывающее руки неограниченной частной инициативе и свободному предпринимательству, порождено страхом экономического спада, страхом перед кризисом. При мягких формулах этого учреждения злые умысел круто обходятся с неслишком крупными ослушниками — их просто развозят. Чтобы представить себе, какой силой является палата, достаточно сказать, что в нее входят тридцать крупнейших корпораций штата и капиталов, которые она контролирует, составляет сумму в 28 миллиардов 600 миллионов долларов (по данным на 1954 год).

В пресс-клубе Сан-Франциско есть двуязычная эмблема — черная и серая кошка. Когда ставится на стол черная кошка, разговор не предназначается для публикации. Когда на стол ставится серая кошка, разговор ведется открыто, на широкую публику. Мы спрашивали о влиянии пала-

ты на политические и общественные институты. Нам ответили более чем уклончиво. Очевидно, откровенный разговор на такие темы ведется лишь между директорами палаты и только в присутствии черной кошки...

Надо отдать должное торговой палате Сан-Франциско — ее руководители, люди деловые и практические, трезво смотрят на проблемы международных отношений, заинтересованы в развитии международной торговли. Вице-президент палаты г-н Фокс, высказываясь за развитие связей и взаимопонимания между США и СССР, выразил свою мысль в форме американской народной поговорки:

— Чем ненавидеть друг друга в темноте, лучше зажечь хотя бы самую дешевую свечку!..

Если бы члены торговой палаты Сан-Франциско приложили реальные усилия и к тому, чтобы защищать зажигаемые свечки от тех американцев, которые изо всех сил стараются их задувать, было бы еще лучше. А кроме того, они, как люди, обладающие достаточными возможностями и средствами, могли бы устранить и другие причины, мешающие взаимопониманию...

Однажды с утра, когда мы собрались ехать в Калифорнийский университет, в наших машинах появились два уже знакомых нам детектива. Это были люди, не проявившие к нам никакой неприязни, но пытавшиеся вмешаться в наши беседы, — они делали то, что им приказано. Когда мы спросили, что означает их сопровождение, старший из них ответил:

— Там против вас могут быть опасные провокации... Но я этих провохотсов знаю и они меня — тоже!..

Вскресе мы это поняли.

Визит наш начался завтраком за зеленым столом. Справа и слева от каждого из нас сидели люди, хорошо говорившие по-русски. Большинство из них были вежливы и любезны. Но рядом с Борисом Полем сидел Глеб Струве, сын ренегата, беспощадно заклейменного Лениным. Яблоко закатилось далеко, но лучше не стало — в каюте нашего приезда Глеб Струве выступил с галеек, сплошь построенных на жульничестве и переплетившихся статей по поводу последнего, самого позднего издания сочинений А. П. Чехова. В гостях — не дома, с кем посылает, того и терпи, хотя бы от него разило, как от бочки с протухшей свининой. И Полевый пытался терпеть, отвечая вежливыми шпильками. Глеб Струве нагнал и в конце концов заявил, что он ненавидит и советских людей и советскую литературу. Тогда, соблюдая полный декорум вежливости, Полевый сказал ему:

— Можете продолжать в том же духе... Но в советской литературе вы разбираетесь не более, чем ввух в вопросах любви!..

Глеб Струве позеленел, а назваться зал интервью корреспондентам, что он не был удовлетворен состоявшимся разговором о литературе.

Но ради забавы я привожу этот факт. Дело в том, что Глеб Струве читает в Калифорнийском университете... курс советской литературы и считается крупнейшим специалистом по «русскому вопросу». Можно себе представить, как уродует, искажает, ставит с ног на голову и выворачивает назипанку советскую литературу и факты советской действительности такой «специальность». Умные люди даже об идеологическом противнике становятся получить объективное представление, а каким же мусором набивает голову американских студентов этот проклятый и протухший от злобы белогардейский «специалист»! Разноскики ненависти и невежества, такие «просветители» — а их в различных американских учреждениях немало! — орудуют прежде всего самих американцев, напаяливают им на глаза шоры, мешают осознать собственные интересы... А торговля палата Сан-Франциско имеет весьма непосредственное касательство и к финансам Калифорнийского университета и к

ство должно изображать «героев», теперь уже сильно ослабевают; «герой» остается почти только в трескучих романах; у Диккенса и Теккерея нет героев, а есть обыкновенные люди, которых каждый из нас встречал десятками на своем веку. Дедачего не бьет, потому и мы не будем ратовать здесь против пристрастия к «необыкновенным» личностям в романах и в эстетике.

Примечательно, что пристрастие к необыкновенным личностям в романах и эстетике Чернышевский считал уже поверженным. «лежачим» предрассудком. Однако через сто лет предрассудок этот опять пыгается встать на ноги.

Ссылаясь также на сатирические типы Гоголя и Шедрина, считая их образцом исключительного в литературе. Полагают при этом, что тот и другой преследовали злодеев, заботились прежде всего о том, чтобы воплотить в образы самые крайние мерзости самодержавно-крепостнического режима. Да, Гоголь и Шедрин умели талантливо использовать в обличительных целях и реальные экземпляры пороков. Но все же они вполне справедливо считали наиболее страшным не то зло, которое процветало до огромных размеров в немногих индивидуальных людях, а прежде всего то, которое распространилось на многих, стало свойством класса. Когда речь идет об отживающих эксплуататорских классах, то их основная порочная сущность с наибольшей силой выражается именно в массовости зла; большая степень распространенности зла и есть наиболее достоверное свидетельство несправедливости всего социального строя.

Революционно-разрушающее значение сатиры Гоголя и Шедрина связано не только с глубиной, но и с широтой захвата, с гениальным разоблачением именно массовости, обыкновенности, привычности социального зла. Сатирические персонажи Гоголя и Шедрина — всегда верные представители целого сословия, класса. Оба сатирика совершенно сознательно ставили себе задачей — показать не только крайние проявления социального зла, но и степень его распространения.

Верность действительности и обращение к «толпе» Белинский считал одной из основных особенностей творчества Гоголя и его ближайших последователей Чернышевский отмечал, что в «Ревизоре» и

другим сторонам его деятельности.

Так обстоит дело со свечками. Между тем в университете есть и достойные преподаватели и достойная молодежь. Большую группу студентов мы застали в редакции студенческой газеты. Юноши и девушки оказались очень общительными и любознательными, отнеслись к нам с искренней доброжелательностью и задали много вопросов о жизни советских студентов. Тут же они вручили нам номер своей газеты с передовой статьей, в которой, исходя из интересов американской молодежи, разбирали международные проблемы, приветствуя «дух Женевы» и расширение связей с Советской страной. Беседовали мы и с преподавателями факультета журналистики — американцами, и нашли много общего. Вел беседу проф. Гриффин, у двери собралась толпа студентов. Когда мы сказали, что студенты у нас после окончания сразу получают работу и зарплату, раздался аплодисменты и возглас:

— Это завидно!

В воскресенье мы осматривали город. Наши хозяева в машине были молодые муж и жена. Он — владелец предприятия, изготовляющего острые и пряные приправы к различным блюдам, она — делающая первые шаги писательницы. Небольшая ее пьеса ставилась по мостному телевидению.

— Неужели у вас пишут лирику? — спрашивала она.

— Пишут.

— И о любви?

— И о любви. Почему же нет?

— Странно... Вот уж чего совершенно не представляла! А у нас все стиха только о разлуке, о страданиях и смерти. Мои знакомые жалуются, что это уже надоело, мне лично хотелось бы написать о герою, о подвиге, о высокоом порыве. Говорят, вы там умеете это...

Зашла речь о молодых писателях. И снова посыпались удивленные возгласы:

— Неужели известные писатели у вас помогают молодым?

— Это их обязанность.

— А то, что они могут учиться в специальном институте и получать стипендию, — это правда или подраживаете? В нашей профессии ведь иногда и фантазируют.

— Нет, правда.

— Вот завидно!

Так, в разговорах, мы осматрели Оклендский мост, протянувшийся на десять километров над водами залива. О том, как его строили, писали Ильф и Петров. О том, как он эксплуатируется, можно сказать в нескольких словах: в конце моста стоит гробовка полицейских буюк, сквозь которую и прочесывается поток машин, причем с каждой вымается четверть доллара. Говорят, что денег уже собрано больше, чем затрачено на постройку... С Телеграфного холма кто-то смотрел на залив — здесь развешивается действие романа Джека Лондона «Путешествие на «Ослепительном», здесь начинается его роман «Морской волк», здесь происходит действие нескольких рассказов О. Гейри... Литературный зал! А синеюшие у самого горизонта калифорнийские горы порозили лучшие произведения Брет-Гарта.

За день до отъезда к нам в номер зашел Г. Братов, старый русский эмигрант, американский подданный. Со времен войны он издает прогрессивную газету на русском языке, служит в магазине русской книги, куда довольно часто приходят и новинки советской литературы, и пишет стихи, полные грусти о давно покинутой Родине...

Когда мы собирались уезжать, к поезду Сан-Франциско — Лос-Анжелос пришли наши старые знакомые — детективы. Тот, которого звали Большим Томом, сказал, пожимая на прощание руки:

— А нехватке вы парни, черт меня побери! И злобные штуки расказываете!.. Счастливой вам дороги!..

С этим своеобразным напутствием и двинулись мы к югу, вдоль тихоокеанского побережья.

«Мертвых душ» выведены «характеры» — обыкновенные, встречающиеся на каждом шагу. Это было направлено против тех реакционных критиков, которые пытались использовать типы гоголевской сатиры, как воплощение исключительных пороков характеров, и тем самым извратить объективный смысл гоголевской сатиры, заключавшийся в разоблачении не крайних проявлений зла, а самой социальной природы господствующих классов. Следовательно, мнение современного критика о том, что «исключительность характеров и обстоятельств оказывается в произведениях Гоголя наивысшей типичностью» (В. Ерилов. «Некоторые вопросы теории советской сатиры»), не отличается ни воиновиз, ни верностью обобщения. Если и встречается исключительность в персонажах Гоголя и Шедрина, то она относится к поэтической форме образа, а не заключена в нем реальной сущности. Обыкновенность характеров и обстоятельств, обрисованных с исключительной яркостью и рельефностью, придает сатирическим типам Гоголя и Шедрина высшую типичность. Гиперболические формы в их произведениях вызваны не исключительностью, а, напротив, обыкновенностью изображаемых явлений. Чтобы социальный порок, широко распространенный, определяющий природу целого класса, примелькавшийся, ставший обыденным, — чтобы этот порок был угадан всеми, пошел до сознания и чувства читателя, он должен быть резко очерчен, ярко озаглавлен, сильно подчеркнут в своей основной сущности.

Но все изложенного вытекает, что смысл наших замечаний направлен не против художественного преувеличения вообще, а против неверной тенденции, проявляющейся, во-первых, в попытках некоторых критиков приять этому приему исключительную важность и, во-вторых, в неумеренном, неуместном и неправильном применении терминов «гротеск» и «гипербола» к современному реалистическому искусству и, в частности, к сатире. Такого рода недостатки лишней раз показывают, что всякие теоретические суждения и обобщения в области эстетики только тогда имеют плодотворный и жизненный характер, если они являются не результатом увлечения теми или иными модными, а основываются на объективном и тщательном анализе конкретных явлений искусства.

Сан-Франциско. Вид на Оклендский мост. Фото автора

Ник. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

ФЕЛЬЕТОН

Утраченные иллюзии одного «Батюшки»

Полена назад некоторые тещы на эстраде, бия себя кулаками в грудь, любими иногда пролить «гражданскую слезу» по поводу того, что иностранцы плохо знают русского человека и убеждены в том, что он...

Весь день питается слезой бровью! Да ловит блох из шаровар. И под развесистою клячкой! На спичке жарит самовар... Думалось, что за полена стипендия их не придется даже в воспоминаниях. Как вздруг... Впрочем, позвольте рассказать все по порядку.

В сентябре 1955 года нашу страну посетила английская сельскохозяйственная делегация. Ее сопровождали сотрудники английской газеты «Ньюс кроникль» Барнет Седмен, Джеймс Камерон и Лоренс Истербрук.

Вернувшись в Англию, они достаточно объективно поделились с читателями газеты «Ньюс кроникль» своими впечатлениями. Барнет Седмен 7—11 ноября поместил в газете серию фотоснимков с сопровождающими их подписями Джеймса Камерона.

Гости фотографировали все, что нравилось им, и повидимому, то, что интересует читателей их газеты. Напечатаны снимки сцен из балета «Золушка», представление в цирке, выступление оркестра в ресторане, сфотографированы квартира советского рабочего, группа детей, разбирающих дело в народном суде, продавцы и покупатель на колхозном рынке, сцены в «Доме моделей» и даже молящиеся в церкви.

Сопровождающие эти фотографии подписи Джеймса Камерона также достаточно объективны и правдивы. Не отступил от правды и Лоренс Истербрук, написавший в той же газете 18 октября, что «советские достижения (в сельском хозяйстве) почти невероятны. Эти достижения таковы, что любая другая страна могла бы гордиться ими».

Мы рады, что сотрудники «Ньюс кроникль» Барнет Седмен, Джеймс Камерон и Лоренс Истербрук сумели увидеть и рассказать правду о нашей стране. Подавляющее большинство их читателей — в этом нет сомнения — благодарны им за правдивую информацию. Но, повидимому, для иных обитателей Англии новые сведения о России явились потрясающим открытием, и притом открытием не столько приятным. По крайней мере, в конце прошлого года газета напечатала фельетон Лайонела Хейла под интригующим названием: «Ах, не лишайте меня иллюзий, Батюшка!».

Озаглавившись сразу: автору никак нельзя отказать в остроумии. Он шутит, и мы ни на одну секунду не собираемся понимать все его слова в прямом смысле. Мы ведь отнюдь не лишенные чувства юмора!

Нам просто очень понятны обстоятельство, вызвавшие этот фельетон к жизни. Начинается он так:

«Быть может, фотоснимки м-ра Барнета Седмена, показывающие жизнь современной России, и сопутствующие им «стихотворения в прозе» м-ра Джеймса Камерона нравятся решительно всем. Но меня лично они просто удручают».

Чем же, собственно, так поразили автора фельетона (или, точнее, тех немногих англичан, над которыми он пошмеется) правдивые и объективные сведения о нашей жизни, названные им «стихотворениями в прозе»?

Оказывается, эти «стихотворения в прозе» нарушают «привычное представление о русских», ибо, «в сущности, они доказывают, что русские точно такие же люди, как мы».

«Когда я приехал в Россию, — пишет м-р Лайонел Хейл, — пусть взором моим представит дивная экзотическая картина: самовары, иконы, усахи в меховых шапках и шароварах, вправленных в меховые сапожки; церкви с куполами-луковками; пустынные снеговые равнины; семьи, спящие на печке; скованные льдом реки; тройки; несметные полчища татар, опоясанных патронными лентами, борющихся лядней, которые пошатываются, на каблуках волчок, чмокает друг друга в губы, обрешенные шкеля и величают один другого «Батюшкой». Я буду разочарован, если меня тоже не станут величать Батюшкой, в обращении к «Интуристу» с просьбой учесть это на будущее».

Но ничего не попишешь! Нравится нам, Батюшка Лайонел Хейл, или нет, а Россия неудержимо идет вперед. Из всего ассортимента «утраченных иллюзий», в виде любезных нашему сердцу «наклонности русских к самоубийству» и «любви к вазу», мы в случае вашего приезда можем гарантировать вам через «Интурист» только неперенное именование вас «Батюшкой».

Как видите, я лично это уже начал, Батюшка Лайонел Хейл.

К Всесоюзному конкурсу на лучший киносценарий

Всесоюзный конкурс на лучший киносценарий проводится в два тура.

Киносценарии следует направлять в оргкомитет по проведению конкурса, созданные при министерствах культуры союзных республик.

Адрес оргкомитета конкурса по РСФСР: Москва, Г-69, ул. Воровского, д. 31 (Театр киноактера), тел. В 1-26-49.

Адрес секретариата Всесоюзного конкурса: Москва — центр, Малый Гнездицкий пер., дом 7, тел. Б 9-99-12, доб. 1-66

Секретариат конкурса

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

О художественном преувеличении

(Окончание. Начало на 2—3-й стр.)

выражение наиболее полной сущности явлений, а распространено, обыкновенное, с навешанным на него ярлыком «среднестатистического», стало третироваться как недостойное быть объектом подлинного искусства.

Но вот вопрос: если наиболее распространенное не выражает сущности, то чем же оно вызвано в жизни? Разве повторяемость явления не есть лучшее доказательство его исторической необходимости?

Считать наиболее распространенное несущественным или хотя бы менее существенным для понимания объективной действительности — значит зачастую поворачивать не только с материалистической эстетикой, но и с материализмом вообще. Это значит стать на путь отрицания каких-либо объективных закономерностей.

Не всякое редкое, исключительное явление типично, оно может быть просто случайным. Исключительное, мало распространенное бывает типичным только при условии, если оно является лишь качественно более высокой степенью массового или уже было массовым (отживающее явление), или еще будет массовым (находящимся в развитии). Если исключительное, необыкновенное не удовлетворяет этим условиям, то оно остается просто случайным.

Противопоставлять типичное массовидному со всех точек зрения является другое дело, что количественная сторона, повторяемость явлений, не исчерпывает типичного, которое имеет и другую сторону, измеряемую степенью силы славных, прочности того или иного признака. Художник, в зависимости от задачи, которую он перед собой ставит или от свойств своего дарования, может отдавать предпочтение типичному то в обыкновенной, то в необыкновенной форме. Вообще же говоря, предпочтение необыкновенного обыкновенному в искусстве — не более как предрассудок.

Изображение высшейшей личности, ко-

Адрес редакции и издательства Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета) Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-84-28, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутор — К 6-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.